

Т.И. СТЕКСОВА

(Новосибирский государственный
педагогический университет, г. Новосибирск)

УДК 81'37:81'271.2

ББК Ш105.31+Ш105.553

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ И СУБЪЕКТА МОДУСНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С СЕМАНТИКОЙ НАПРАСНОСТИ

Аннотация: Предметом исследования является частный случай проявления субъективного смысла в высказывании. Рассматриваются частные значения напрасности, способы их выражения и особенности функционирования данной семантики в высказываниях. В статье рассматриваются варианты соотношения субъекта речи, субъекта действия и субъекта модусной квалификации действия как напрасного. Высказывается предположение о частотности несовпадения субъекта действия и субъекта оценки и о связи частного значения с объектом квалификации. Приводятся статистические данные и результаты психолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: модусная категория, семантика, языковое сознание, психолингвистический эксперимент.

Семантика напрасности относится к одной из малоизученных факультативных модусных категорий. В числе работ, направленных на ее изучение, можем отметить работы А.Зализняк, касающиеся исследования феномена многозначности и, в частности, многозначности наречия *напрасно*. Именно ею было впервые выявлено, что наречие *напрасно* в сочетании с предикатом вносит в высказывание субъективную семантику, которая может дифференцироваться в зависимости от контекста и ситуации и выражать частные значения безрезультатности, ошибочности и общей оценки [2002, 2003].

Круг языковых средств, выражающих напрасность, достаточно широк, к ядерным относятся синонимичные наречия *напрасно*, *тщетно*, *зря*. Они и будут анализироваться в данной статье. Маркеры напрасности могут как встраиваться в пропозицию, так и выражаться присоединительной конструкцией и отдельной предикативной единицей. Ср.: *Напрасно брат так*

беспокоится: нужно быть тверже и смотреть на вещи спокойнее (Л.Андреев); Вот вы тогда, барчук, обиделись на меня, а понапрасну (И.Бунин); Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушку, простыни – все напрасно! (А.Погорельский).

Итак, под напрасностью понимается квалификация говорящим диктумного события (действия, мнения), которое, с его точки зрения, не достигло результата или является ошибочным. Таким образом, говорящий выступает в качестве субъекта модусной оценки, который может либо совпадать с субъектом действия, либо не совпадать.

Ср.: *Весь день он напрасно искал книгу / Весь день я напрасно искал книгу.*

В первом предложении производитель действия (т.е. субъект пропозиции) – *он*; субъектом модусной оценки является имплицитный говорящий, но позиция которого может быть вербализована в предложении: *Я считаю, думаю, знаю, что он весь день напрасно искал книгу.* Субъект пропозиции по отношению к субъекту модусной оценки может выступать и как адресат речи, и как лицо/предмет, не принимающие участие к коммуникации.

Ср.: *Как, ты еще сомневаешься играть или нет? Напрасно!* (П.Головин) = твои сомнения я (говорящий) считаю напрасными (ошибочными).

Напрасно он увлекал меня на ночные прогулки под звездами, напрасно силился пробудить, я была как спящая царица в хрустальном гробу: вот она, да недокличешься... (Т.Набатникова) = он увлекал меня на прогулки, силился пробудить, но его действия я считаю напрасными (безрезультатными).

Совершенно зря власть борется с уличной торговлей (PP) = борьбу власти я (говорящий) оцениваю как напрасную (ошибочную и как следствие этого безрезультатную).

Подобные примеры позволяют нам увидеть столкновение когнитивных пространств действующего и оценивающего субъектов.

Во втором случае субъект действия и субъект оценки совпадают в лице говорящего, за счет чего происходит интеграция

объективного и субъективного содержания. Ср.: *Напрасно я вглядывался в лица деловитых прохожих* (Д. Гранин) = я вглядывался и понимал, что делаю это напрасно (безрезультатно).

Отметим, что встречается, чаще в художественной литературе, более сложное взаимодействие субъектов: субъект речи может совпадать либо с субъектом модусной оценки, либо с субъектом действия, а может и не совпадать ни с субъектом модусной оценки, ни с субъектом действия.

Вчера пошли узнать про курсы английского около дома – так Ваня всю дорогу твердил – затишите меня – ходить не буду, учить не буду, вы зря потратите деньги ... [Наши дети: Подростки (2004)].

В этом примере имплицитный говорящий в первой предикативной единице равен субъекту действия, выраженному местоимением *вы* в последней предикативной единице, а субъект модусной квалификации, выраженный собственным именем *Ваня*, назван во второй предикативной единице.

Соотношение субъектов весьма значимо для семантики и прагматики предложения. Еще Ю.А. Пупынин писал, что изучение связей субъектности и модальности позволяет обнаружить новые языковые закономерности [Пупынин 1992: 56].

Предположение о том, что в разговорной речи субъект модусной оценки чаще не совпадает с субъектом действия, подтверждается статистическими данными Национального корпуса русского языка:

сочетание наречия *напрасно* + глагол в 1л. встречается в 169 примерах,

+ глагол во 2л. встречается в 568 примерах,

+ глагол в 3л. встречается в 680 примерах;

сочетание наречия *зря* + глагол в 1л. – 119 примеров,

+ глагол во 2л. – 330 примеров,

+ глагол в 3л. – 500 примеров;

сочетание наречия *тщетно* + глагол в 1л. – 78 примеров,

+ глагол во 2л. – 31 пример,

+ глагол в 3л. – 268 примеров.

Получается, что мы склонны чаще оценивать как напрасные действия других людей, чем свои. Причем, эта оценка «в глаза»

собеседнику (сочетания со 2л.) выражается реже, чем «за глаза» и реализуется в таких речевых жанрах, как осуждение, порицание: *Напрасно так говорите, сударыня, – сказал старик, – животное скот, а человеку дан закон* (Л.Толстой); в жанрах предостережения и предупреждения. Предупреждать можно как о каком-то позитивном событии, так и о событии, которое оценивается говорящим негативно. Предостережение же всегда связано с негативной оценкой предстоящего события. Так, Л.А. Бирюлин включает в число императивных высказываний со стандартной семантикой побуждения высказывания со значением превентива, в которых выражается предостережение, адресованное некоторому лицу, предложение проявить осмотрительность и не совершить действие, способное нанести ущерб или вред этому лицу или каким-либо третьим лицам [Бирюлин 1989].

Ср.: *А тиено можно продать военным, железнодорожникам, на горючее обменять. Так что рушилку зря отдаете. Чем так торговать, как говорится, лучше уж воровать* [Борис Екимов. Пиночет (1999)] .

Если нахлынет неудержимый поток, с ним не сражайся, силы напрасно не трать... (К.Васильев).

Оценка действий третьих лиц реализуется чаще всего в информативных жанрах:

– *Знаете что, давайте спустимся на шоссе к машине, посмотрим, что там стряслось, может, он зря возится* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)];

– *Машины зря гоняет казённую! – наябедничал и кот, жуя гриб* [М. А. Булгаков]

В случаях совпадения двух субъектов (субъекта действия и субъекта модусной оценки) жанр высказывания можно определить как сожаление: *Ах, напрасно я напугал вас...*

Как уже отмечалось, семантика напрасности реализует два частных значения: безрезультатности и ошибочности. В Национальном корпусе все примеры с интересующими нас лексемами приводятся с неснятой омонимией и поэтому не позволяют сделать вывод о том, как мы чаще квалифицируем свои и чужие действия (как безрезультатные или ошибочные) и какие марке-

ры для этого выбираем. Так как наречие *тщетно* синонимично наречию *напрасно* только в значении безрезультатности, то оно не учитывается нами в дальнейшем исследовании. Первичные наблюдения привели к предположению о том, что мы чаще оцениваем свои действия как ошибочные, а чужие как безрезультатные.

Для того, чтобы подтвердить либо опровергнуть эти предположения, был проведен небольшой психолингвистический эксперимент. Как писал А.А. Леонтьев, «психолингвистический эксперимент направлен на то, чтобы поставить испытуемого в ситуацию (управляемого) выбора и принятия решения (хотя выбор и решение могут быть как осознанными, так и неосознанными)» [Леонтьев 1997: 74].

В качестве испытуемых выступили 40 студентов-филологов 4-го курса. Им было предложено завершить четыре предложения:

Я напрасно....

Я зря...

Ты/он напрасно...

Ты/он зря...

Выбирая в качестве метода исследования «метод дополнения языкового знака» (В.П. Глухов), или «методику заканчивания предложения» (В.П. Белянин), мы рассчитывали, что испытуемые в составленных ими предложениях используют маркеры семантики напрасности либо в значении безрезультатности, либо в значении ошибочности.

Результаты эксперимента таковы:

предложение с *Я напрасно* в значении *безрезультатно* закончили 16 студентов (40%), в значении *ошибочно* – 21 студент (52,5%);

Я зря в значении *безрезультатно* использовали только 9 студентов (22,5%), в то время как со значением ошибочности встретилось в 27 случаях (67,5%).

Таким образом, лексема *напрасно* в случае совпадения субъекта действия и субъекта модусной квалификации употребляется и в том, и в другом значении с небольшим преимуществом значения ошибочности. Лексема *зря* в основном в языковом

сознании говорящего связана с семантикой ошибочности. То, что мы чаще склонны оценивать свои действия как ошибочные, а не безрезультатные, вполне объяснимо: ошибочность – это проявление такой семантики, как невольность осуществления (более подробно об этом см. [Стексова 2002]). Ошибка не контролируется субъектом действия, она совершается помимо воли или против воли человека. Безрезультатность же связана с волевой, целенаправленной деятельностью человека. Психологически проще возложить ответственность за неуспех на какие-либо сторонние силы, обстоятельства, не зависящие от субъекта действия, чем признаться, что усилия не достигли результата, т.е. признаться в поражении.

Предложения с различными субъектами действия и модусной квалификации свидетельствуют, что лексема *напрасно* примерно одинаково регулярно реализует и значение безрезультатности (19 примеров – 47,5%) и значение ошибочности (16 примеров – 40%).

Лексема *зря* в языковом сознании субъекта модусной квалификации по отношению к другому субъекту действия закреплена в значении ошибочности действия: 36 примеров (90%) против 4 примеров (10%).

Таким образом, эксперимент подтвердил первоначальные предположения, по крайней мере, для определенной возрастной и социальной группы. Для распространения этого вывода на более широкий круг говорящих необходимы дополнительные исследования. Кроме того, эксперимент показал, что лексема *зря* в языковом сознании говорящего закреплена в основном за квалификацией действия как ошибочного, хотя словарное толкование свидетельствует о синонимичности наречий *напрасно* и *зря* в двух значениях: безрезультатность и ошибочность. Таким образом, словарное значение лексемы *зря* и воплощение его в языковом сознании молодых современников совпадают в неполном объеме.

При анализе языкового материала оказалось, что по отношению к своему действию маркер *напрасно* трижды был употреблен в нерасчлененном значении, т.е. контекст не давал оснований для четкой интерпретации: *Напрасно я вспоминаю бывлые*

времени, а маркер зря в четырех случаях: *Я зря вчера приехала в ЖЭУ, оно было закрыто.*

По отношению к квалификации действий других лиц в нерасчлененных значениях пять раз было употреблено наречие *напрасно*: *Напрасно он тренировался так долго.*

В подобных случаях трудно понять, как субъект модусной оценки квалифицирует ситуацию как безрезультатную или как ошибочную. Вероятно, в определенных речевых ситуациях (контекстах) эта неопределенность может быть нейтрализована, но также, вероятно, в подобных случаях можно говорить и о синкретизме семантики.

ЛИТЕРАТУРА

- Белянин В.П.* Психолингвистика. – М., 2007
- Бирюлин Л.А.* Семантика превентива // *Функциональный анализ языковых единиц.* – М., 1989. С. 54 – 71.
- Глухов В.П.* Основы психолингвистики. – М., 2005.
- Зализняк А. А.* Феномен многозначности и способы его описания // *Вопросы языкознания.* – М., 2002. – С.20 – 45.
- Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления: автореф. дис. ... доктора филол. наук, – М., 2003.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М., 1997.
- Пушынин Ю.А.* О связях субъектности и модальности в русском языке // *Модальность в ее связях с другими категориями.* – Новосибирск, 1992.
- Стексова Т.И.* Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. – Новосибирск, 2002.

©Стексова Т.И., 2015